

КУХНЯ ЗАПРЕТОВ

Запрещено:
Использовать личные
средства передвижения

Запрещено:
Юристам
работать вне
государственных
структур

Запрещено:
Контактировать с «преступниками»
нарушителями запретов.

Запрещено:
Выходить на
улицы после
20:00

Запрещено:
Спать в
общественных
местах

Список покупок:
Молока давно нет
хлеб испечь
конфеты эх конфеты
мороженное
картофель

Запрещено:
Просмотр телевизора

Запрещено:
Ношение юбок

Пишите
новые
запреты

Запрещено:
Беспрепятственно гулять
по центру города

Запрещено:
Использование
локальной
сети Запретании

Разрешено:
мыться только
одежными
или в купальниках



ИВАР БУТАЙТЕС

Ивар Бутайтес
Кухня запретов

«Автор»

2026

Бутайтес И.

Кухня запретов / И. Бутайтес — «Автор», 2026

В городе, где запрещена даже тень сомнения, выживает не тот, кто кричит, а тот, кто умеет шептать на кухне. Этот короткий рассказ — о коммунальной квартире, где за чаем соседи записывают на стикерах старые запреты и придумывают новые. Их разговоры — тонкая грань между абсурдом и здравым смыслом, где каждая записка становится тихим актом памяти. Камерная антиутопия о человечности, которая пробивается даже сквозь самые бессмысленные правила.

© Бутайтес И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рождение Кухни Запретов	5
Глава 2. Ночные Запританцы	7
Глава 3. Воскресенье.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ивар Бутайтес

Кухня запретов

Глава 1. Рождение Кухни Запретов

Однажды в маленькой стране Запретании, в маленьком городе, произошло то, что не должно было происходить по законам этой страны. В Запретании всегда искали причину, что можно запретить. Каждый день новостные заголовки пестрили новыми запретами.

«Сегодня официально запретили ходить голым в душе. Моемся только одетыми или в купальниках».

Городок утопал в унынии и не успевал запоминать все запреты. Власти Запретании жёстко справлялись с нарушителями закона. Расстрел на месте — самая добрая мера из всех.

Как-то в одном старом доме, где большие квартиры делились на маленькие, а в одной такой квартире жильцов могло быть до десяти человек, собирались местные запретанцы на кухне. Дед Михаил крутил ручку частоты на радио, а его бабка Семёновна стряпала что-то вкусное из мяса ещё не запрещённого рогатого скота. На запах часто сбегались другие жильцы квартиры. Мальчик Василий часто крутился возле деда Михаила и ждал стряпню. Его мать Оксана растила его одна и была не против мужского воспитания и нравочений Михаила.

В это утро дед Михаил поймал волну борцов за отмену запретов и начал бурно поддерживать их, отстаивая свою позицию перед старухой. На звуки шума на кухне вышел Степан.

Степан был бывшим полицейским и по старой привычке реагировал на такие разговоры про запреты.

— Дед, ты чего опять завёлся?

— Степан, я этой старухе доказываю: всё запрещать нельзя. Человек должен в чём-то да быть свободен.

— Опять поймал волну этих глупцов?

— Почему же глупцов? Они хоть что-то делают, а мы тут сидим и едим запретанские булки.

— Какое тебе дело? Ты своё уже отжил, старый.

— У меня активная запретанская позиция! — Дед ударяет кулаком по столу. — Нужно всё разрешить.

В разговор вступает Толя.

— Чтобы всё разрешить, нужно понимать, что ещё не запретили.

— Толя вроде картежник, а голова варит, — сказал Степан.

Маленький Василий влез в разговор.

— Мы с мамой пишем на стикерах, если что-то забываем. Может, нужно писать на стикеры?

— А ну-ка брысь, шпана! — сказал дед Михаил грубым басовым голосом.

Мальчик убежал в свою комнату.

— А мальчик дело говорит, — сказал Толя.

— Записал, обсудили здесь. Никто никому ничего не сделает, если мы напишем, что уже запрещено, или если придумаем, что ещё запретить. Что скажешь, Степан?

— Ну, тут ты прав. С точки зрения законов Запретании всё очень даже правильно: мы даже помогаем нашей стране находить новые запреты.

— Патриоты, кушайте запретаники, — сказала Семёновна.

— Хорошо, я первый напишу запрет, — сказал дед Михаил.

Взял с холодильника стикеры мамы Василия и написал первый запрет, который он услышал ещё ребёнком: «Нельзя выходить на улицы после восьми часов вечера».

— Я ещё мальчиком очень любил гулять по ночному городу. А потом запрет. Я очень давно не гулял ночью.

Город был красивым, простым. Не было этой дурацкой стены. Да, было много пьяниц, но они были по большей части безобидные.

— В каком смысле «дурацкой стены», старый пень? Мы у этой стены познакомились, — сказала бабка Семёновна.

В этот момент с работы пришла мать Василия, Оксана. Быстро взяла запретаник и, с полным ртом, произнесла:

— Всем привет, я тоже напишу. Дайте стикер.

Пишет аналогично старый запрет:

«Все юристы теперь вне закона. Кто работает на местную власть, остаётся работать».

— Я отучилась на юриста Запретании. Каждый запрет учила. И тут нам новые юристы не нужны.

Оксана мыла полы в разных организациях и магазинах. Подработок было больше пяти. Жизнь очень сильно подшутила над ней. Василий появился после её обучения от человека, о котором она не рассказывает никому. Может, его судили за нарушения запретанских законов, а может, она принудительно участвовала в программе «Ребёнок от лидера Запретании». О таком ни одна девушка, естественно, не расскажет.

Время близилось к вечеру. Все разошлись, кроме деда Михалыча.

Он слушал радио и записывал все новые и новые запреты, которые помнил.

(Если понравилось оставьте комментарий очень помогает двигаться дальше.) Также читайте Мелл и Последний затворник. Короткие проникновенные и запоминающиеся рассказы.

Глава 2. Ночные Запританцы

Михалыч всё слушал радио, но уже тише, вслушиваясь в помехи и приложив приёмник ближе к уху, чтобы не разбудить других жильцов. Тут зашли Светик и Пашик, молодёжь Запретании, но от запретов она не стала ценить то, что у них есть, и действовать по каждому закону. Светик — главная бунтарка подъезда, двадцати лет, думающая, что меняет этот мир в лучшую сторону маленькими хулиганствами. А Пашик — её парень, всего на два года старше, но не намного умнее и наивнее своей спутницы.

— Дед, ты чего опять там слушаешь? — спросил Пашик.

— Борцов за отмену запретов. Не мешай.

— А что за стикеры? — спросила Светик. Дед нехотя объяснил молодёжи идею записывать все запреты, которые нужно отменить.

— Ещё мы пишем новые запреты.

— Для того чтобы их отменить? Запретить все запреты?

— Пашик, напишем запреты, которые нас бесят? — спросила Светик у уже засыпающего на стуле Пашика.

— Да да давай. «Запрет на ношение юбок». «Запрет просмотра телевизора». «Запрет локальной сети Запретании». «Запрет анекдотов и изображений на разные темы». «Запрет автобусов». «Запрет личных средств передвижения».

— Пашик, что добавишь? — Запрет спать в общественных местах.

— Дед, а как ты собираешься их запрещать? — спросила Светик.

— Ну как? У нас же есть борцы за отмену запретов. Я найду их и отдам все стикеры, когда они сменят власть Запретании.

— А если их нет? Если мы одни боремся за всё это?

— Не может быть. Мы их обязательно найдём, либо они нас найдут.

— Тогда, дед, нужно заявить о себе. Но заявить так, чтобы нас не заподозрили власти Запретании. Заходит бабка Семёновна и шёпотом, но очень сильно, ругается на деда Михалыча.

— Быстро спать, старый пень, я тебе сейчас устрою революцию! А вы чего, молодёжь, не спите?! Быстро к себе спать. Кухня погрузилась в лунный свет. Сквозь темноту зашла ещё одна жительница квартиры — Раиса Раисовна. Она учитель в запретанской школе уже восемнадцать лет. Да ещё и запретанского языка. Зайдя на кухню, она увидела стикеры и сразу начала читать каждый из них. Искала ошибки? Или же искала, за что настучать на соседей? Кто знает? Но спустя десять минут и большого количества прочитанных запретов взрослая женщина начала ронять скупую слезу и смотреть на жёлтую луну. Через неё прошло столько запретов, и столько детей ушли в колонии из-за своей детской, юношеской глупости. Детский максимализм власти Запретании решил уничтожить сразу и беспрекословно. А дети по незнанию нарушали их каждый день. В конечном итоге каждый день школьников начинался с новых законов, затем шли запретанские предметы. Отдельным предметом шли запретанские законы и история этих законов. Историю Запретании помнят только старики. В школе же такой предмет не нужен. Раиса Раисовна каждый день вела урок, и дети в каждом классе уменьшались на глазах. Пятая парта вон, пустая стоит. Парни пошли на стройку, а запретанские законы запрещают детям быть на стройке. Их поймали и отправили в колонию. Со временем у Раисы Раисовны выработалась злоба и ненависть ко всему. Терпение было на пределе. На детей она сильно кричала. В особые дни дети получали по лицу. Её нутро полностью прогнило. За восемнадцать лет она не видела ни одного ребёнка из колонии. Они не возвращались. Дети, которых она сама же отправляла на «исправление», не появлялись в своих дворах, а родители считали их мёртвыми. Ходили

слухи, что кто-то вернулся и рассказал, что все уходят в шахты и работают до двадцатипятилетия. Если выживают — свободны, но доживают единицы. Им было десять-тринадцать лет.

— Раиса Раисовна, вы чего тут? Присоединяйтесь к Кухне Запретов.

— Толик, я уже ухожу. А ты чего так рано? Обычно же утром возвращаешься. Неужто исправился?

— Нет. Опять поймали. Это уже пятая сходка картежников. Начинаю уже думать бросать.

— Бросай это гиблое дело, пока я не настучала на тебя.

— Раиса Раисовна, какая вы добрая у нас.

— Не поясняй, Толя.

Утро на Кухне Запретов было таким же, как и всегда, но уже с явными спорами и объяснениями. Дед Михалыч был первым. За ним на кухню подтянулась Семёновна, а вслед и все остальные: кому на работу, кому на учёбу. Толик спал, а Степан никуда не собирался и просто вышел покурить на кухню. Светик и Пашик бегло кушали перед выходом. Их сменила Раиса Раисовна с большим количеством вопросов к Михалычу.

— Ты чего, старый, совсем обалдел? Какие-то бумажки пишешь, хочешь, чтобы нас всех тут посадили или расстреляли?

— Раиса Раисовна, вы не понимаете. Мы ничего не нарушаем, а наоборот, помогаем нашей стране. Мы пишем новые запреты. Подбежал Василий, протянул бумажку, на которой перечёркнута нарисованная конфета.

— Я очень люблю конфеты, но мне их много кушать нельзя, зубы болят. — Вот, уже и мелкого заставляете писать эту похабщину.

— Я на вас найду управу, — сетует Раиса Раисовна.

— Да ладно вам, Раиса. Они побалуются и забудут, — успокаивает Семёновна. Жители квартиры разбежались по делам и работам.

(Если понравилось оставьте комментарий очень помогает двигаться дальше.) Также читайте Мелл и Последний затворник. Короткие проникновенные и запоминающиеся рассказы.

Глава 3. Воскресенье.

Воскресенье выдалось необычным. Дед Михалыч впервые за много лет решил выйти из дома и поискать новые запреты, о которых ещё не знал. Он взял авоську и направился в коридор, где его перехватил Василий:

— Я с тобой, дедушка Миша.

Деда он называл так по-доброму, потому что всё своё маленькое детство провёл рядом с ним на этой кухне. В садик Василий не ходил. Место было, но Оксана решила: если её сын нарушит хоть один запрет, будучи совсем маленьким, то просто не успеет пожить, провести хоть какое-то детство. Государство Запретов не препятствовало обучению на дому: чем меньше людей в школах и детсадах, тем меньше нужно кормить и тратить средств на образование. Но дед Михалыч не мог выйти просто так. Он встал напротив двери и замер. Нервно стучал пальцем по колену и приговаривал:

— Да-да, сейчас.

Причиной паники и страха перед выходом на улицу был один очень неприятный случай. Тогда дед решил прогуляться по району, поговорить с местными старожилками и просто насладиться весной. Он шёл на встречу, уже ставшую ритуалом для него и других стариков. В переулке он увидел женщину с ребёнком. Она нарушила одно из глупых правил Запретании. Ребёнок плакал, а мать крутили и вертели, приговаривая: «Мы тебя, тварь, научим Запретанию любить!» — и толкнули в сторону машины. Хрупкая и явно истощённая женщина споткнулась и упала на асфальт. Кровь потекла к ливнёвке и медленно уходила в канализацию. Ребёнок держал мать за руку и кричал. Слезы смешивались со слюной и соплями. А изверги просто смотрели и чего-то ждали. Наконец один из них произнёс:

— Он же держит преступника за руку. А это запрещено?

— Да, — ответил другой.

И без лишних слов один из них достал пистолет и выстрелил. Дед смотрел и, будучи очень суровым и выдавшим виды человеком, отступил назад. На глазах проступили слёзы. За спиной он услышал пару фраз, обращённых от одного изверга к другому:

— Вызывай зачистку. Тут всё. После этого Михалыч никогда больше не выходил на улицу. То ли чувство вины, то ли страх всегда останавливали его на пороге. У деда Михалыча с Семёновной не было детей. Никто по-настоящему не знал почему. Может, в молодости были проблемы, а может, вся эта ситуация с запретами изменила их ключевое решение. Василий дёрнул деда за клетчатую рубашку.

— Так мы пойдём? Я давно не был на улице. Дед посмотрел на мальчика и сказал:

— Да. Только возьму документы. Мало ли. Он прошёл в комнату и достал уже запылившиеся документы. Их оформили в первый месяц принятия нового свода правил, когда страну переименовали в Запретанию. Дед и Василий вышли в подъезд. На улице было пусто. Идиллия природы: птички поют, коты ходят по заборам и кокетничают друг с другом. Изредка реагируют на воробьёв.

— Ну, Василий, пойдём посмотрим. Дед шёл от улицы к улице и не встречал ровным счётом никого. Василий ходил за ним, немного отставая и глядя дворовых котов. Дворы были пустыми. Даже блюстителей порядка не было видно. Дед увидел магазин и решил, что купить хлеба и молока будет неплохой идеей. Подходя к нему, он почувствовал неприятный запах. Зайдя внутрь, увидел полки с испортившимися продуктами, которых к тому же было крайне мало. Ни одного человека или искусственного помощника. Роботы стояли без дела в дальнем углу. В Запретании случилась технологическая революция, но роботы негодились. Их должны были обслуживать люди, а раз людей нет — это просто груда металла в конце торгового зала. Василий забежал за дедом в магазин и тут же резко выскочил обратно.

— Чем там так пахнет? Я не могу дышать.

— Это, мой юный друг, результат порабощения народа. Пойдём дальше. Тут нет никого. Дед ещё час бродил по району, искал хоть какое-то оживление, но ни людей, ни открытых магазинов или кафе не увидел. Они жили практически на окраине города.

— Дед, пойдём в центр? Там мама работает, и Пашка со Светиком учатся, а ещё Раиса Раисовна там учит.

Дед сел на скамейку и сказал:

— Сегодня мы и так находились, много увидели. Сколько ты бродячих котов успел погладить?

— Я считаю только до десяти.

— Тогда какой тебе центр? Нужно научиться считать до ста. Мальчик заметно обиделся, но перечить деду не мог. Они потихоньку вернулись в квартиру, где их уже ждала бабушка с вопросами.

— Старый хрыщ, ты зачем ребёнка за собой потащил? Там опасно, седая ты голова.

— Там уже давно не опасно. Настолько пусто, что абсолютно безопасно.

Дед Михалыч явно был недоволен тем, что все сгинули. Вечером пришли все, и квартира ожила. Степан, Толик, Оксана, Раиса Раисовна, Пашик и Светик были рады видеть друг друга, общались каждый о своём. Даже Раиса Раисовна подтянулась к «Кухне Запретов» и расписала пару стикеров. Дед Михалыч резко всех остановил и задал вопрос:

— А где все в городе?

— Дед, ну ты даёшь. Уже давно и молодёжь, и кто постарше, работают в центре, — сказал Степан.

— Учёба в центре, все тусовки, которые не закрыли блюстителю порядка, тоже в центре, — сказала Светик, жуя что-то во рту.

— Мы весь день гуляли с Василием и никого не нашли. Очень страшная картина.

— А что вы хотели, Михаил? Сейчас такое время: всё меньше и меньше людей из-за запретов. Учить уже практически некого, — сказала немного надменно Раиса Раисовна.

— Как мне попасть в центр? — спросил дед Михаил.

Тут подключился Толик.

— Если тебе просто прогуляться, то нельзя. А если по твоей миссии собрать больше запретов для кухни, наверное, нужно узнать последние законы за эти годы, чтобы спокойно пройти хоть куда-то и поговорить.

— А большие магазины с роботами там есть? — перебил Василий, и глаза его по-настоящему загорелись.

— Да, конечно, есть. Только там ничего не купишь, нужно получить талон на работе. Надулся Василий, явно обидевшись.

— А может, воспользоваться старым добрым сарафанным радио? — сказал с улыбкой и надеждой дед Михалыч.

— И кому же вы хотите рассказывать про Кухню Запретов? — спросила Раиса Раисовна.

— Ну как же, кому? Я уже рассказал всем, кто в этой квартире. Осталось только рассказать друзьям и знакомым на работе. Дед не мог попасть в центр, но все остальные могли: Раиса, Толик, Степан, Пашик и Светик.

(Если понравилось оставьте комментарий очень помогает двигаться дальше.) Также читайте Мелл и Последний затворник. Короткие проникно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.